

**СКОТТ Дж. С ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТОЧКИ  
ЗРЕНИЯ: КАК ПОТЕРПЕЛИ КРАХ НАДЕЖНЫЕ  
МОДЕЛИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ  
ЧЕЛОВЕЧЕСТВА. НЬЮ ХЕЙВЕН: ЙЕЛЬ  
ЮНИВЕРСИТИ ПРЕСС, 1998. 445 с.**

**SCOTT J. SEEING LIKE A STATE: HOW CERTAIN  
SCHEMES TO IMPROVE THE HUMAN CONDITION  
HAVE FAILED. NEW HAVEN: YALE UNIVERSITY  
PRESS, 1998. – 445 p.**

Джеймс Скотт – профессор Йельского университета – один из крупнейших специалистов по проблемам развивающихся стран. Его монографии “Моральная экономика крестьян” (1976) и “Оружие слабых” (1985) оказали значительное влияние на современную социальную антропологию, социальную историю, аграрную социологию и политическую науку. Выход в свет новой книги Скотта “С государственной точки зрения” представляет собой заметное событие не только в социальной истории, но и в методологии исторического исследования. Предыдущие работы Скотта были посвящены, в основном, повседневной жизни традиционных крестьянских обществ – коллективным представлениям и логике поведения “слабых” – не случайно “деревня” воспринимается “цивилизованным миром” как синоним социальной периферии и культурной неполноценности. В рецензируемой книге топика и оптика исторического исследования меняются самым радикальным образом – в центре внимания Скотта находятся формы знания и проекты “сильных”, стремящихся к переустройству мира, а также последствия этих проектов.

Книга открывается описанием исторического эпизода. В XVIII-XIX вв. лес в Германии выращивали по абсолютизированным канонам научного лесоводства. Тогда, в век Просвещения, существовала своеобразная мания “научного” отношения к природе – исключительно в рациональных терминах полезности и прибыльности. Случай с научным отношением к лесу чрезвычайно показателен. Скотт анализирует научные представления того времени о природе и лесе. Вот знаменитая энциклопедия Дидро. Лес определяется в ней как экономический ресурс, полностью подчиненный фискальной и коммерческой логике, логике прибыльности. Англоязычный понятийный аппарат XVIII в. делит обитателей леса на “чистых” и “нечистых” с точки зрения дохода. Естественно, “чистых” надо приумножать, а “нечистых” (на языке XVIII в., “дряни”) искоренять (р. 17). Более всего в тотальном претворении в жизнь такого отношения к лесу продвинулась Германия. Ее ученые и лесники поставили перед собой задачу преобразовать “древнехаотическое лесное скопище” (р. 19) в униформу нового леса, состоящего из геометрически точных рядов нормализованных деревьев, которые обеспечивают максимальную и стабильную доходность дерева. На протяжении почти всего XIX столетия немцы пунктуально (по таблицам) вычищали свой лес. Немецкая школа научного лесоводства служила западным исследователям эталоном переустройства лесных пространств от Норвегии до Северной Америки. Действительно, первые поколения деревьев регулярного германского леса демонстрировали наивысшую древесную массу, прочность, из которых извлекалась соответствующая внушительная прибыль.

А через поколение рост леса и соответствующий ему рост прибыли резко пошли на спад. Германский лес стал гибнуть на корню – весь. Административное лесово-

дство, упрощающее и стандартизирующее природу, привело к катастрофе. После этого немцам вновь пришлось стать пионерами, но уже в деле ликвидации лесных коммерческо-административных амбиций. Новыми поколениями ученых создавалась наука “лесной гигиены”, предусматривающая специальное разведение в лесу (ради его сохранения) всяческой животной и растительной “дряни” (птиц, насекомых, растений), бесполезной с точки зрения просветительского бизнес-администрирования.

Претворение коммерческо-административных планов в жизнь достигается посредством специфических орудий упорядочения – государственных стандартных измерений, противостоящих местным народным меркам. Всякое традиционное локальное знание, как показывает Скотт на примерах из повседневной жизни народов разных континентов, наполнено местными мерами времени и пространства. Скотт ссылается, в частности, на собственный опыт полевой работы в селах Малайзии. На вопрос «Как далеко расположена соседняя деревня?» Скотт получил ответ от местного малайца: «В трех приготовлениях риса». Это означает, что соседней деревни можно достичь за время, требующееся для того, чтобы три раза приготовить еду из риса. Подобные меры органично вплетены в ритм местного существования и, естественно, не поддаются агрегированию в единые статистические серии. По мнению Скотта, повсеместно упрощая и стандартизируя измерения, государство ради фискальных интересов обезличивает особенности существования местных сообществ.

Сравнивая города античности, средневековья, Нового времени, Скотт прослеживает мощную тенденцию к упрощению их облика: спрямление улиц, унификацию дизайна и размеров зданий. Наряду с историей униформирования городов автор рассматривает историю униформирования фамилий, которые, как обнаруживается, являются собой предмет административного и фискального интереса. Скотт прослеживает процессы административно управляемой фамилизации населения от эпохи Возрождения до современности. Он приходит к следующему выводу: «Изобретение дат рождения и смерти, чрезвычайно подробных адресов (более подробных, чем обозначение, подобное “Джону с холма”), удостоверений, паспортов, пропусков, фотокарточек, отпечатков пальцев и самого последнего достижения – профиля ДНК – усовершенствовало более грубый инструмент перманентной фамилизации. Но фамилия стала первым и бесповоротным шагом к превращению индивидуальных граждан в официально регистрируемых, и, подтвержденная фотографией, фамилия является первым свидетельством в документах личности» (р. 71). Все подобного рода упорядочения и упрощения достигаются посредством применения серий соответствующих официальных типизаций, дистанцированных от реальности. Эти типизации незаменимы в государственном управлении. Государственные упрощения – карты, цензы, кадастры, стандартные единицы измерения – представляют собой технику овладения многоплановой и сложной реальностью. Государственные упрощения относятся только к тем аспектам социальной жизни, которые представляют официальный интерес в качестве “фактов”. Это, во-первых, утилитарные факты, во-вторых, документируемые факты, в-третьих, статичные факты, в-четвертых, агрегируемые факты и, в-пятых, обладая четырьмя предыдущими характеристиками, они представляются стандартизируемыми фактами. И ничего более.

Скотт утверждает, что многие трагические события истории XIX – XX вв. связаны с пагубным сочетанием трех элементов: идеологией высокого модернизма, мощью современного государства, ослабленностью гражданского общества. Само определение Высокого модернизма Скотт заимствует из монографии Д. Хэрви, где он определяется как «вера в линейный прогресс, абсолютные истины и рациональное планирование идеального социального порядка при стандартных условиях знания и производства» [ 1, р. 35]. В этом смысле Конт, Корбюзье, Ратенау, Макнамара, шах Ирана, Ленин, Троцкий были яркими представителями высокого модернизма как в

левых, так и в правых его ипостасях. Необходимым условием этой трансформации было открытие общества как объекта, который можно отделить от государства, а потом, при помощи того же государства, научно препарировать. Впрочем, на пути авторитарного модернизма стоят либеральные демократические идеи и институты. Здесь особенно важны три фактора: убежденность в том, что частные сферы деятельности не доступны вмешательству со стороны государства и его агентов, автономность либерального сектора экономики, внегосударственные институты поддержки и сопротивления самого общества.

Скотт выделяет несколько хрестоматийных случаев высокомодернистской городской архитектуры. Идеальным выразителем идей высокого модернизма в архитектуре автор считает Ле Корбюзье. В книге содержится немало критических суждений о творчестве этого французского архитектора. Воплощением идей Ле Корбюзье является столица Бразилии – Бразилиа. По мнению Скотта, Бразилиа выражает собой отрицание (трансценденцию) настоящей Бразилии. Проживание в абсолютно рациональной, геометрически безупречной Бразилиа изначально стало причиной всеобщего дискомфорта ее жителей. Скотт сравнивает “упорядоченные” структуры Бразилиа с “хаотичными” элементами Сан-Паулу. В этом сравнении Бразилиа явно проигрывает. Более того, как показывает Скотт, после первоначально рационального периода своего существования Бразилиа была вынуждена вольно и невольно внести массу “неправильностей”, “нечеткостей” в свой облик и в свои городские структуры, чтобы стать по-настоящему обжитым городом.

Особое место в книге занимает тема “Социальная инженерия сельского образа жизни и производства”. Скотт характеризует программу крупного аграрно-индустриального производства в советской России как советско-американский фетиш высокого модернизма. Ради воплощения в жизнь этой фетишистской теории в России 30-х – 50-х годов XX в. развивались специфические формы высокомодернистского крепостничества. В сельской местности сформировались обширные «государственные ландшафты контроля и присвоения» (р. 218). Скотт отмечает, что массовое открытое и скрытое сопротивление российского сельского населения авторитаризму высокого модернизма ограничило и до неузнаваемости изменило реализацию первоначальных замыслов.

Вариант преобразования сельского хозяйства, по целям противоположный советскому, но сходный с ним по типу мышления и воплощению в жизнь, рассматривается на примере Танзании. Скотт прослеживает, как на базе высокомодернистской колониальной агрикультуры Восточной Африки в постколониальное время в танзанийских деревнях под лозунгом “жизнь в деревне – это порядок” вводилось “усовершенствованное” фермерство. В результате танзанийских реформ 60-70-х годов XX в. на селе возникла особая порода селян – “обтекаемые люди” (р. 237), которые совершали виртуозные манипуляции на придуманных государством миниатюрных фермах. В этих искусственно созданных фермерских образованиях развивался реальный конфликт между сохранявшимся традиционным общинным земледелием и давлением бюрократических интересов, находивших немалую выгоду от проведения политики миниатюаризированной фермеризации.

Скотт исследует еще один вариант бюрократической трансформации – создание «идеальной» государственной деревни в Эфиопии второй половины 70-х – начала 80-х годов XX в. В отличие от советского крупно-индустриального и танзанийского мелкофермерского хозяйства, в Эфиопии воплощался в жизнь планомерно-общинный сельский порядок. Скотт воспроизводит чертежи правительственных планов эфиопской «стандартно социалистической деревни» (р. 250). На схеме такая деревня представляет собой идеальную решетку типовых домов и улиц с внутренним общинным порядком времен фаланстеров Фурье с учетом африканской социалистической специфики. В результате эфиопских аграрно-социалистических преобразова-

ний изничтожались естественные для села межсемейные сети и общинные отношения. За этим последовало массовое бегство селян из деревни в город, дезорганизация производительных сил деревни. Все это ввергло страну в жестокий продовольственный кризис, который пришлось ликвидировать при содействии международных гуманитарных организаций. Специфическая оптика высокого модернизма с ее «решетками» планирования и детализации бюрократического контроля искажала, упрощала и, как следствие, разрушала реальность местной жизни. Сам импульс упрощений заключается в модернистской идеологии, с пренебрежением относящейся к локальным знаниям и практикам.

В заключительной части книги Скотт постулирует позитивные характеристики местного практического знания. Он определяет это знание при помощи древнегреческого понятия *metis*. Ссылаясь на традицию античной философии разделять знание на *episteme*, *tehne* и *metis*, Скотт особо подчеркивает пластичный практицизм метиса в сравнении с абстрактно-теоретической эпистемой и прагматично-технократической техне. В античной мифологии идеальным носителем знания типа метис был многохитрый Одиссей. Его искусство применять метис в конкретных обстоятельствах места и времени лучше всего передают такие эпизоды «Одиссеи» как хитрость по отношению к циклопу Полифему или преодоление соблазна Сирен. Скотт отмечает, что в знании типа *metis* практическое знание превалирует над научным объяснением, при этом особо подчеркивается динамизм и пластичность метиса. Скотт пишет о непрерывной способности местного знания к усовершенствованию и обновлению. Он подчеркивает, что всякий метис может существовать лишь в определенном социальном контексте. Разрушение такого социального контекста приводит к исчезновению и самого метиса. В книге рассматриваются дружественные метису современные общественные институты в либеральных странах Запада: школы, парки, гражданские ассоциации, семейные союзы. Эстетически и нравственно глубоким символом постижения метиса Скотт называет расположение и устройство Мемориала вьетнамской войны в штате Вашингтон.

Книга «С государственной точки зрения» воссоздает грандиозную историко-социологическую панораму драматических изменений природы и общества под воздействием реформаторского натиска государственных предначертаний. Тем не менее, абсолютистское стремление критически реконструировать всеобщую «оптику государства», а также историю ее повсеместного дефектного преломления в жизнь приводят к выводам, которые не могут не стать объектом критики.

Рационально-модернистские дефекты зрения-мышления присущи не только государственным взглядам-замыслам. Стремление развенчать образцы «официальной» культуры и рационально организованных идеологий можно проследить в нововвропейской мысли от Руссо к марксизму и современной постмодернистской «деконструкции дискурса». Нельзя не учитывать, что в рамках борьбы с диктатом государственных форм организации жизни развивались различные формы «тоталитарных демократий» (Ш. Тэлмон [2]), и воссоздание самого метиса как формы знания возможно только в контексте развившейся цивилизации. Каждый может припомнить случаи, когда «хотелось как лучше, а получилось, как всегда». Впрочем, в частной жизни индивид расплачивается, как правило, из личного бюджета. А государство, обращая в прах судьбы земель и народов, ликвидирует ужасные итоги своей претенциозной политики за счет выворачивания карманов и опустошения душ уже и так ни за что пострадавших и посторонних граждан. Однако не всегда легко определить, в какой степени замыслы государств оказываются абсолютно неудачными, полностью оторванными от действительности. Часто государственная утопия и здравый смысл местного метиса, проникая друг в друга, творят новую сложную реальность. Обратимся к опыту России, которая с давних пор была великим полигоном претворения в местную жизнь тотальных государственных взглядов. Скотт подчеркивает, что рус-

ский исторический и интеллектуальный опыт оказал на его работу огромное влияние. В качестве эпитафий к разделам книги Скотт часто использует цитаты из “Войны и мира” Толстого, “Чевенгура” Платонова, “Мы” Замятина. В книге Скотта органично смотрелся бы исторический эпизод возникновения Петербурга, в качестве эпитафиа можно было бы взять строчки из “Медного всадника”. По легенде, когда царь Петр на берегу Финского залива объявил о создании здесь новой столицы России, к нему подошел местный житель-финн и ладонью указал на стволе ближайшей березы до какого уровня в этих местах поднимается вода во время наводнений. Носитель местного знания не рекомендовал возводить столицу в таком гиблом месте. Петр не удостоил ответом чухонца с его метисским знанием, а лишь демонстративно срубил топором указанную березу и повелел: “Городу быть!” Как же теперь воспринимать Петербург? Как фатальную Бразилиа – средоточие экологически-бюрократических бедствий или как уникальную Пальмиру – сокровищницу великой культуры, в чьей кунсткамере хранятся драгоценные образцы метиса всех земель мира? “Медный всадник” не дает однозначного ответа. Бедный Евгений, лишенный наводнением основ своего метисского существования, прилепился к бронзовому воплощению государственной точки зрения, взгляделся в нее, и яростно прошептал:

*«Добро, строитель чудотворный! -  
Ужо тебе!...»*

На этом месте вымышленный русский чиновник глубоко померк разумом. И на этом же месте постижения логики государственного взора настоящий американский ученый широко сверкнул интеллектом.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. *Harvey D.* The condition of postmodernity: An inquiry into the origins of social change. Oxford: Basil Blackwell, 1989.
2. *Talmon J.* The origins of totalitarian democracy. New York: W.W. Norton & Co., 1970.

А.М. Никулин  
кандидат экономических наук